

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

ДЖОЗЕФ КЛАРК ОБ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы американского политика Джозефа Кларка «История и теория революций» (*The History and Theory of Revolutions*). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что это одна из первых теоретических работ о революциях как социально-политическом явлении, и целый ряд положений концепции Кларка оказал влияние на развитие теории революций в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Джозеф Кларк, революция, теория революции

JOSEPH CLARK ON THE HISTORY AND THEORY OF REVOLUTIONS

Abstract. This is the first adapted translation of the book “The History and Theory of Revolutions” by the American politician Joseph Clark. Undoubtedly, this work is of great research interest for historians, sociologists and political scientists, since it is one of the first theoretical studies into revolutions as a socio-political phenomenon. Clark’s ideas influenced significantly the entire development of the theory of revolutions in the 19th–21st centuries.

Keywords: Joseph Clark, revolution, theory of revolution

Период гражданской войны в США (1861–1865 гг.) дал сразу две работы по теории революции. Гео Йиман (Джордж Хельм Йиман, George Helm Yeaman) и Джозеф Кларк (Joseph Clark) с разницей в год: первый в 1861 г., второй – в 1862 г., дали публичные выступления о своем видении революций, которые были опубликованы в виде небольших брошюр. Джордж Хельм Йиман (на публикации публичных лекций подписан как Гео Йиман) служил представителем штата Кентукки в Палате представителей с 1861 по 1865 гг., а затем – послом США в Дании. Преподобный Джозеф Кларк служил в правительстве штата Пенсильвания.

И Север, и Юг в этой гражданской войне стремились использовать образ Американской революции (1776–1783 гг.) – войны за независимость США (или войны Американских колоний с Англией). И те, и другие пытались показать связи своих позиций и своей стороны с революционной Америкой 1776–1783 гг. И те, и другие постарались показать, что их противник не имеет никакого отношения к революции: с позиций южан Север – это тираническая власть, с позиций Севера южане – это незаконное восстание против легитимной власти, которое не имеет ничего общего с революци-

ей и борьбой за справедливость. Эта политическая борьба и дала теоретические построения о сущности такого явления, как революция. Джозеф Кларк рассматривает революции как особое социально-политическое явление и выстраивает полноценную теоретическую концепцию сущности революций, их причин и места в истории человечества.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию: *Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862. 35 p.*

Переводчик, автор примечаний
Э. Э. Шульц.

Джозеф Кларк.

История и теория революций

Нынешнее поколение в этой стране знает о революциях только как об истории или как о событиях, происходящих в какой-то отдаленной части мира. Мы читали о них, слышали о них; но теперь революция, или ее попытка, стала для нас настоящим и самым что ни на есть реальным фактом. Слово «революция» всегда имело в общественном сознании зловещее и поразительное звучание. Мы привыкли (и совершенно справедливо) связывать с революцией идею гражданской войны, как мир ее знал до сих пор, со всеми ее зверствами и ужасами: дикое, неконтролируемое безумие, воздвигающее человека против человека, и сообщество против сообщества, со всей неуправляемой яростью темперамента; братоубийственная ненависть и кровопролитие; развязывание всех наихудших страстей человеческой души, которые в своей дикой и незаконной ревности не уважают ни прав человека, ни добродетели женщины; разграбленные дымящиеся и разрушенные города, безлюдные и необработываемые поля, залитые кровью подполья, эшафоты, гильотины и виселицы, армии и поля сражений. Возможно, мы извлекли наши образы из Фран-

цузской революции 1792 года, события которой были знакомы нашим отцам в их юные годы, и некоторые фрагменты неясных ужасов и диких крайностей, и почти невероятных зверств, были нежеланными для юных ушей у семейных домашних очагов, чтобы стать одним из ранних уроков истории.

И теперь мы находимся в самом разгаре революции! Мы, в республиканской Америке, в прославленном XIX веке, – мы, преданные искусству мира, поглощенные наживой, покрывающие моря торговлей, извлекающие сокровища из недр, сковывающие континент цепью железных дорог, культивирующие почвы бесчисленных акров нашей поразительной и плодотворной страны, – мы, посреди революции? И это так! Но есть ли у нас такой же опыт, который имели другие нации, будучи захваченные революцией? Никто не может сказать, что нет!

Когда однажды социальная структура сдвигается со своих глубинных основ, поднятая родовыми схватками общественных конвульсий, никакой уровень пророческих знаний не сможет безошибочно предсказать, где остановится движение. Все наши прогнозы и убежденность подвели нас. В самый час нашего юношеского и хвастливого самовосхваления, когда мы со всех сторон заявляли об уверенности в нашем республиканском эксперименте, и демонстрировали его стабильность и постоянство, мы призваны спуститься в долину смертных теней, чтобы густые туманы осели на нашем пути, и земля затряслась и разверзлась под нами, и сам воздух наполнился диссонирующими голосами тревоги и сомнений, злобы и террора.

Хорошо, что среди пугающих возможностей, которыми мы теперь окружены, мы можем оглянуться назад и спокойно, в свете истории, изучить общие законы и функционирование таких крайних общественных явлений на примере других наций. Хотя история никогда точно не повторяется, она является постоянным

пророчеством собственной эволюции. Хорошо, что мы можем оглянуться назад и увидеть другие страны, гораздо более слабые, чем наша, пережившие гораздо более тяжелые бедствия, чем наши, и пышно разросшиеся после них.

Хорошо, что нам позволено наблюдать, как бурные и жестокие страсти людей, вырвавшиеся на свободу по призывному набату войны адскими псами разрушения и страсти, успокаиваются мановением благородной волшебной палочки мира, и как в свое время все добродетели, достоинства и прелести общественной жизни возвращаются в свое привычное русло. Для нас хорошо, что на фоне наших страхов мы можем оглянуться назад и увидеть сквозь самые дикие пульсации национальной конвульсии и смертоносной вражды, гений свободы, как гражданской, так и религиозной. Хорошо, что мы можем объявить себе, в качестве ясного вывода истории, что ни один большой жизненно важный интерес человечества, касающийся христианства или цивилизации, никогда не пострадал от разрушений войны или волнений гражданского общества. Свет путеводной звезды человеческой судьбы всегда пробивается над грозами и бурями. Бог безошибочно дал понять, что никакие местные беспорядки, как они нам представляются, не будут мешать существенным обстоятельствам или грандиозным результатам его нравственного правления. Иначе придется предположить, что создание это уродливо, а провидение – это набор случайностей.

Давайте рассмотрим, насколько это возможно, проблему революций. Давайте изучим их факты, выясним, по возможности, их теорию и проследим некоторые ведущие контуры их истории (держа постоянно в уме особые отношения наших исследований с нашими современными гражданскими бедами).

Что же такое Революция? Каково ее определение? Какова ее теория? Какова была ее история? Когда это явление

оправданно? Когда оно успешно? Это вопросы, которые стоят на пути нашего расследования.

Во-первых, что касается определения. Революция может быть определена как радикальное или органичное изменение устройства правления, совершенное либо мирным, либо насильственным путем. Или же революция может быть определена как успешное сопротивление установленной власти, посредством которого создается и устанавливается новая форма власти. Или ее можно определить как смерть старой формы, изношенного института и восстание нового, начало нового движения в развитии и истории. Во всех этих определениях основополагающие концепции одинаковы. Они содержат в себе разрушения или распад, предшествующие новому творению или новому образованию распавшихся элементов. В идее революции наиболее значимой является концепция ниспровержения или разрушения, с помощью которого общество, в определенной степени, раскладывается на свои первоначальные элементы и вынуждено принимать новую форму и образовывать новые сочетания. Идея вытекает из движения колеса, в котором каждая частица постоянно возвращается к точке начала. Это говорит нам о том, что в великих движениях истории, жизни наций и цивилизаций, как и во вселенной, во всех вещах существует постоянная тенденция к возвращению, по крайней мере – в направлении пункта отправления.

Революция, чтобы быть правильной и законной и выполнить возложенную на нее историей задачу, должна быть движением против старого, изношенного, неестественного, неразумного или деспотичного. Когда правительство или институты, которые могли удовлетворить потребности людей в прежние времена и при других условиях, уже не в состоянии адаптироваться к изменившимся обстоятельствам и большим желаниям нового времени, но становится, наобо-

рот, угнетающим и обременительным, как ужасный кошмар над растущей энергией и устремлениями новой эпохи. Тогда настает момент, когда язык колокола времени пробивает час революции, и вдруг вооруженные люди появляются из земли, как драконьи зубы Кадма¹, возглас неповиновения и мести разрывает воздух, и новорожденный великан берется за дело разрушения.

Революцию нельзя путать с восстанием или мятежом. Мятеж, как указывает термин, – это просто вооруженное сопротивление власти. Восстание – это всего лишь подъем против власти. Ни то, ни другое не обязательно должно привести к революции; хотя они часто являются первыми симптомами ее появления, первыми этапами ее развития. Но восстание или мятеж может быть результатом каприза, страсти, амбиций, ревности или просто частных причин, и они быстро погибают. Они подобны безумным падениям донкихотских рыцарей в борьбе с ветряными мельницами и воздушными гигантами, в которых они получают только шрамы и синяки. Но когда восстание успешно и мятеж разрушает власть, против которой он поднимается, они обретают достоинство революции. Восстание часто – это начавшаяся революция, революция – это успешно завершившееся восстание.

Определение термина и предмета теперь может помочь нам в изучении теории революции. Какова философия этих великих пульсаций в жизни каждой нации, этой конвульсивной борьбы и спазмов, которые формируют характерные черты в жизни каждого народа, достигшего уровня формирования национальности? И как происходит так, что раса,

¹ Кадм – герой древнегреческой мифологии, сын финикийского царя Агенора, брат Европы, легендарный основатель Фив в Беотии. Посеял зубы побежденного им дракона в землю, и из них выросли воины «спарты» («посеянные»). Эти воины вступили в борьбу друг с другом и бились пока не остались в живых всего пятеро, которые и стали родоначальниками знатнейших фиванских родов.

кажется, не перерастает это удивительное явление, даже с помощью наивысшего развития цивилизации и целомудреннейшего христианства? Всякий раз, когда мы сталкиваемся с фактом такой универсальности и постоянства, мы можем быть уверены, что его причина лежит глубоко, и его теория связана с органическими законами и, возможно, с самими жизненными основами человеческой расы.

Давайте обратимся к природе и изучим ее уроки. Везде революция – в соответствии с ее фундаментальной концепцией, как она определена выше – представляется важной и здоровой частью ее жизненно важных процессов. Во всей вселенной, насколько это известно человеку, ничто не находится в покое. Все находится в движении.

Вся природа – это вечное движение материи, и в этом вечном движении ведущими факторами являются антагонистические силы жизни и смерти, роста и распада. Старые формы исчезают, увядают, умирают, распадаются, чтобы новые формы могли начать движение в жизнь, для того чтобы затем исчезнуть, – снова увядание, распад, смерть. Плоды созревают, отмирают, падают на землю и несут с собой жизненно важное семя, которое при благоприятных условиях высасывает новое плодоносящее дерево. Жизнь, смерть, рождение, разложение, красота, деформация, рост, распад – это алфавит, с которым природа составляет свою чудесную историю – фигуры, которые движутся.

Природа, таким образом, полна революций. Революция – закон ее жизни, музыка ее могучего марша. Весна, лето, осень, зима, день, ночь, холод, жара – каждое состояние является, соответственно, революцией для предыдущего.

В настоящее время закон, аналогичный закону, пронизывающему всю природу, является (или представляется таким) законом жизни каждой нации. Если мы сразу не увидим точности совпадений или отчетливости аналогий, то только

потому, что циклы настолько велики, а периоды настолько длительны, что мы можем ухватить лишь некоторые из них в масштабах нашего видения. Только путем тщательного изучения всей истории национального опыта мы приходим к всеобъемлющему обобщению, что революция является вечным учреждением в национальном развитии.

Теория революций, таким образом, заключается в том, что со всем своим ужасным и гротескным окружением революции являются неизбежными спазмами и страданиями, с помощью которых все старое, изношенное, бесполезное, тягостное свергается, а новое и многообещающее получает жизнь. Революции всегда являются симптомами жизненной силы, стремящейся к самоутверждению – жизни, враждующей со смертью.

Революция может быть совершена мирно, без беспорядков или насилия. Но это не обычный закон ее действия. Это исключение, а не правило. Отжившее может уйти, и новое войти без разлада или раздора (как мягкие сумерки вечера мягко оседают над кроватью царя дня). Но перемены, как правило, сопровождаются шумом и перепачканной кровью одеждой.

Прежде чем перейти к истории революций, возможно, нам следует уделить внимание вопросу: Когда революция оправданна? Когда народ справедливо через революцию возвращает или утверждает свои неотъемлемые права? Когда существующие правительства или институты могут быть справедливым образом свергнуты, если это необходимо, силой? Очевидно, что это очень серьезный вопрос. Это, более того, очень практичный вопрос, который должен решаться почти каждым поколением людей в той или иной форме. Это вопрос, который часто и много обсуждался. Философы, государственные деятели, законотворцы, короли, поэты, ораторы, реформаторы, теологи – все имели возможность обсудить это в свою пользу или на благо себя или

других. Все, по необходимости, были вынуждены сформировать для себя теорию и провозгласить доктрину, призванную либо полностью опровергнуть право на революцию, либо задекларировать ее, но определить границы, в которых она может осуществляться.

Если мы примем определение и теорию революции, которые мы попытались дать, то очевидно, что право на революцию существует в каждом обществе. Это скрытый ингредиент в каждой политической системе, который вызывается к жизни необходимостью (которая формируется в соответствии с историческим прошлым, последовательностью событий и обстоятельствами, историческими и этническими). Если это не так, то деспотизм – это истинная теория человеческого правления. Если нет права на революцию, то человечество беспомощно попрано ногами любой существующей власти. Если такого права нет, то любой коронованный Нерон, или Калигула, или Филипп II, может пройтись подкованными каблуками по нашим свободам, пленить нашу совесть, предписать для нас религию, конфисковать наше имущество, сделать призывниками наших сыновей и сожительницами наших дочерей: и не раздастся никакого шепота о несправедливости, никакого гневного проклятия. Но так не бывает. Человечество не создавалось, чтобы быть игрушкой для деспотов. По мере того, как мы признаем божественное установление правительства и признаем даже божественную санкцию благочестивого королевского или монархического правления (для определенных целей и при определенных ограничениях), мы с равной готовностью утверждаем божественное происхождение прав человека. Когда один божественный фактор становится не соответствующим своему происхождению, другой, не менее божественный, берет на себя божественную работу, разрушая его, и отстаивая свою собственную духовность. Другими словами, когда правительство (в связи с

человеческой порочностью), становится несправедливым и разводится со своим божественным установлением (полностью или частично), тогда божественное откровение выдувает из труб порыв революции. И, таким образом, история всегда раскачивалась между силами, которые играют на той или иной стороне.

Очевидно, что, поскольку революция – это крайнее средство, крайняя мера, скрытое средство от болезней политического организма, к ней не следует прибегать по поверхностным или банальным причинам. Средства должны иметь надлежащую связь с финалом. Человек может забрать жизнь в порядке самообороны и избежать наказания, но он не может убить в отместку за небольшое оскорбление. Революция никогда не может быть оправдана ни капризом, ни партийными страстями, ни амбициозными замыслами демагогов, ни желанием частного карьерного роста.

Существует одно общее правило или формула, которые часто упоминались и цитировались с тех пор, как начались наши собственные гражданские проблемы, которые, возможно, столь же справедливы и всеобъемлющи, как и любые другие, которые можно привести в качестве критериев революции: существующее зло должно быть настолько велико, что зло революции будет меньшим; конечное благо, которое предполагается получить, должно быть настолько велико, что зло революции может быть перенесено обществом ради него. Однако прежде чем приступить к рассмотрению данного аспекта, мы хотели бы отметить, что вопрос, когда революция выгодна, является вопросом совести, а не целесообразности. Великий принцип, консервативный в отношении прав человека и благосостояния общества, заключается в том, что мы обязаны подчиняться Богу, а не человеку. Этот божественный закон раскрыт не только в Писании, но и в конституции нашей природы. Если человеческие законы конфликтуют с божественным зако-

ном, – они перестают связывать совесть человека. В случаях такого конфликта наш долг – отказаться от послушания, как это сделали апостолы; но сопротивление не обязательно должно быть активным. Революция, или свержение установленного правительства, следовательно, не оправдывается ни капризом, ни выбором по усмотрению народа, ни взглядами на неразумность законодательства; и тем более стремлением извлечь пользу из состояния народа. Мятеж или попытка свергнуть законную власть силой оружия оправданны: 1. только когда послушание этому правительству – это непослушание Богу; 2. когда зло признается единственным средством; 3. когда есть обоснованная перспектива успеха.

Ребенок не обязан сопротивляться негодяю, собирающемуся совершить убийство. Сильный человек связан. Были ли шотландцы правы в сопротивлении с оружием в руках попытке Карла навязать им прелатуру¹, или англичане в противостоянии Якову II² в его попытках ввести папизм³, зависело от двух вопросов: 1. можно ли было иначе предотвратить зло; 2. были ли у них силы помешать этому. Если бы они могли это сделать, они были бы обязаны это сделать.

И вместе с ним мы переходим к рассмотрению истории революций и к определению отличий между некоторыми великими революциями современности и нынешним Южным восстанием в нашей собственной стране.

¹ Прелатура – организация, имеющая определённую юрисдикцию в иерархической структуре Церкви и возглавляемая прелатом. Речь идет о политике английского короля Карла I по введению в шотландское пресвитерианское богослужение англиканских обрядов и литургии, а также усиление власти епископов, которые спровоцировали в 1637 г. восстание в Шотландии.

² Яков II Стюарт (англ. – Джеймс, James II; 1633–1701) – король Англии, Шотландии и Ирландии, внук Якова I, второй сын Карла I и младший брат Карла II. Потерял трон в результате «Славной революции» 1688 г. Последний британский король-католик.

³ католицизм.

Для достижения нашей цели выберем три-четыре ярких примера из сравнительно современной истории для сравнительного анализа. Этими примерами станет революция в Нидерландах во второй половине XVI века (положившая начало Голландской республике), Французская революция 1792 года, Кромвелевская революция в Англии в 1649 году, и добавим к ним Американскую революцию 1776 года. Наше сегодняшнее «Южное движение»¹ по своей величине должно либо встать в один ранг вместе с этими примерами в анналах Истории, либо погрузиться в небытие и забвение, в котором пребывают бесчисленные неудавшиеся восстания и мятежи, историю которых не воссоздать для хроник.

В случае революции в Нидерландах история о заблуждениях, долгих и терпеливых, является одной из самых душераздирающих и чудовищных, оставленных во всех анналах Истории. По отречении Карла I его сын Филипп II наследовал корону Испании, а также власть над Нидерландами. Власть его над Нидерландами, однако, была ограничена различными хартиями и привилегиями, предоставленными и подтвержденными провинциям задолго до него, что делало правительство конституционной монархией, так же как и Англия в наши дни. Он обещал безоговорочно поддерживать и сохранять неприкосновенность всех прав, уставов и привилегий, которые были им подтверждены. Но с самого начала вся политика его правительства, поддерживаемая властью испанских армий, попирала все законы и привилегии, и возвела над обреченными провинциями власть, не зависящих ни от чего, ничем не ограниченную, ничем не определяемую, кроме его личной, абсолютной, деспотической воли.

Когда законы, защищающие гражданина от произвольного тюремного заключения и гарантирующие ему судебное разбирательство в его провинции,

запрещающие назначение иностранцев на высокие должности, были нарушены трибуналами, чьи апатичные судьи приговорили тысячи к плахе; когда отлучение, конфискация, изгнание, повешение, обезглавливание, сожжение практикуются в столь огромной степени, и с такой ужасной монотонностью, что меч палача стал рассматриваться как единственный символ справедливости; когда жестокость слишком чудовищна для описания, слишком велика, чтобы в нее мог поверить разум, не знакомый с жестокостями, совершаемыми солдатами Испании и Италии, стали повседневностью, – тогда, конечно страдающий голос человечества вылез из крови и слез и призвал своих воинов, одетых в кольчуги, отомстить. И мы бы снова сказали, что если бы наши братья в Южных Штатах пережили хотя бы сотую часть несправедливостей, которые перенесли терпеливые голландцы шестнадцатого века, они были бы оправданы в своем восстании.

Давайте посмотрим на великий пример Французской революции 1792 года. О ней говорят как о революции из-за масштабности ее результатов. Среди многих людей принято думать и говорить о Французской революции только как о вулканическом взрыве безбожия и кровопролития. Они думают о ней только как о Царстве Террора, на волне которого победили такие демоны, как Робеспьер, Дантон и Марат. Глядя на те излишества, к которым привело революционное движение, они теряют из виду центральный поток самого движения. Отдача всегда пропорциональна давлению в обратном направлении, и если Французская революция столкнулась с плачевными и катастрофическими эксцессами, то это было главным образом потому, что свобода, которую она открыла, была спасена от нестерпимого угнетения; этим эксцессам также способствовал живой темперамент французского народа. Но правление террора не было Французской революцией. Французская революция была грандиоз-

¹ Вооруженная борьба южных штатов США с Севером в Гражданской войне.

ным и непреодолимым восстанием против объединенной тирании феодальной знати, распущенности суда и духовенства и абсолютной власти государя, каждый из которых ковал свою собственную цепь, чтобы связать и угнетать народные массы.

Феодальная система Средневековья, превосходная для своего времени, когда каждый человек нуждался в защитнике и был склонен присоединяться к какому-то могущественному вождю, который смог обеспечить его в своих личных и имущественных правах, и ради такой защиты человек был готов служить трудом или оружием, – эта феодальная система достигла своей кульминации во Франции и в восемнадцатом веке стал воплощением невыносимых злоупотреблений. Феодалы, владевшие большей частью земель, составляли от одной до двух сотен пятидесяти человек в общей массе населения; настолько абсолютные во власти, как и ничтожные в количестве. Будучи хозяевами земли, они поглощали почти все производительное богатство нации, оставляя крестьянству и ремесленникам едва ли просто необходимое для жизни. Этот огромный доход они растрчивали напоказ, расточительствовали в самом распущенном виде, и все же отказались вносить свою справедливую долю в расходы правительства, из-за чего налоги падали с невыносимой тяжестью на уже угнетенных работников и другие классы. Они упорно сопротивлялись всем реформам и цеплялись за свою наследственность с яростной упорством.

И мы хотели бы сказать здесь еще раз, коротко, в порядке применения, что, если бы южные штаты этого Союза были угнетены тяготами и неспособностью наполовину такими же тяжелыми и отвратительными, как те, что были наложены на непривилегированное Третье сословие Франции до революции, они были бы оправданы в своем восстании.

Переходим теперь к третьему историческому примеру – революции в Англии при Кромвеле.

В основе революции лежали две основополагающие идеи, а именно: сопротивление посягательствам королевской власти и утверждение прав совести. Во время двух предыдущих царствований, Якова I и Карла I, были предприняты самые напряженные и настойчивые усилия по расширению королевской прерогативы, так что даже *Magna Charta*¹ короля Иоанна, швартовый канат конституционной свободы при монархическом правительстве, оказалась под угрозой отмены. Религиозные гонения стали наиболее жесткими, показывая решительную цель со стороны государя перевести религиозные настроения нации в Прокрустово ложе иерархии. Против этой двойной узурпации, к которой добавилось падение общественной нравственности, взбунтовался дух свободы и пробудившейся совести нации, и все строение монархии рухнуло на какое-то время перед псалмовыми пениями легионов великого Оливера². И хотя перемены были лишь временными, и Англия вскоре вернулась к благоденствию, тем не менее последствия их наиболее заметны и благотворны не только для английской истории, но и для истории религиозной свободы во всем мире. «Свобода поклоняться Богу» – лозунг Английской революции и наследие нашего времени.

Посмотрим теперь на наш четвертый и последний исторический пример – американскую революцию 1776 года.

Американская революция не была революцией в том смысле, какой вкладывает сегодня в это понятие восставшие южане. Не было ни органических нарушений общества, ни радикального разложения структур управления. Речь идет об определенной государственной зависимости от удаленной верховной власти, с которой существовала значительная

¹ Великая хартия вольностей – грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. и ставшая в последующем одним из основополагающих конституционных актов Великобритании.

² Автор использует факт религиозной идеологии в Английской революции.

степень связи по происхождению и языку. Колонии не были инкорпорированными, действующими членами британского правительства, что создавало определенный разрыв. Не так с нашими южными штатами: они являются неотъемлемой, органичной частью всей нации.

Поэтому революция, которую наши южные патриоты, как они себя называют, оправдали бы примером революции наших отцов, является гораздо более радикальной и разрушительной революцией и должна быть санкционирована более сильными и явными причинами и недовольствами. Но и в этом отношении пример неудачен. Колонии восстали против обид, более осязаемых и реальных, чем те, которые горячие страсти и воображение партизан и демагогов использовали для того, чтобы разжечь заблуждающийся народ Юга.

Этот Южный мятеж – самая бесосновательная революция, когда-либо совершавшаяся в истории! Это, по сути, революция не против угнетения, не против несправедливости, не против гражданской или религиозной неправомочности, а революция против переписи и против урн для голосования.

Нидерландская революция была борьбой в интересах гражданской и религиозной свободы во всем Христианском мире – в интересах протестантизма, который тогда вел борьбу за жизнь и смерть за собственное существование.

Французская революция была борьбой за основные права человека и против их угнетения. Любопытно, кто поинтересуется с состоянием Франции до Революции, сразу отметит, что время полностью и радикально реорганизовало всю структуру общества. Старые, неспособные и обременительные институты бывшей эпохи, которые шли, шатаясь, к своему падению, становились бременем для пробуждающейся энергии великого народа. Не существовало никакой возможности, чтобы старый порядок вещей мог продолжаться.

Кромвелевская революция имела своей целью сохранение конституционных прав королевства, очищение социальной и политической структуры и защиту свободы совести. Ее высшее благо, за которое она погрузила английскую нацию в революцию, было достаточно засвидетельствовано влиянием революции на англосаксонскую историю и нравы, а также на последующую историю британской монархии.

Американская революция была реализацией мечты о великой нации – вернее, о необходимом и непреодолимом перерождении, рано или поздно, инстинктивного чувства национальности.

Но что теперь с этой Южной Конфедерацией? Какое самое большое благо они предлагают в качестве компенсации за зло революции? Какая великая мировая идея заставляет их действовать, бросать вызов и страдать? Возможно, некоторые из их амбициозных лидеров мечтают об империи. Возможно, экспансия, завоевания и собственное величие видятся им в часы бодрствования. Возможно, они были достаточно смелыми в своих мечтах, чтобы планировать нацию, основанную на рабстве. Но разве это самое лучшее, что они предлагают? Мы думаем, что это так. Эти идеи проявляются, более или менее отчетливо, в опубликованных речах их лидеров. Они прослеживаются в некоторых особенностях самой их Конституции. Вместо одной великой национальности, уникальной, компактной, но многогранной по своим незначительным особенностям, поистине *e pluribus unum*¹, сочетающей в себе неугомонную энергию и миролюбивую силу сынов холодного Севера, и пылкое воображение и щедрые импульсы детей солнечного Юга. Вместо этого они предлагают дать нам две великие национальности, ограниченные в своих особенностях, виновные в желании дополнять друг друга, ревниво наблюдающие враждебным взглядом за каждым

¹ Из многих – единое (лат). Слова принадлежат Цицерону.

движением друг друга; или, что еще хуже, если их теория правления будет последовательно проводиться, то они предлагают дать нам дюжину или более мелких государств, разобитых и злобных, делающих все возможное, чтобы пожрать друг друга. Это *ultima thule*¹ Сецессии². Это окончательный конец, к которому они стремятся, чтобы оправдать ужасы революции. Но то ли это, чему они завещали свою жизнь, свое состояние и свою священную честь? Так определенно представляется.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джозеф Кларк об истории и теории революций / Пер. с англ. и прим. Э. Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 214–223.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

FOR CITATION

Joseph Clark on the History and Theory of Revolutions. In: Bulletin of the Moscow Regional State University. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 214–223.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-214-223

¹ (лат.): «весьма далёкая Фула», «крайний Туле» = «очень далеко», «край света» или «крайний предел».

² Сецессия – выход южных (рабовладельческих) штатов из Союза в 1860–61 гг., за которым последовала Гражданская война.